

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 18 (3674)

Суббота, 9 февраля 1957 г.

Цена 40 коп.

ДОМ, СООРУЖЕННЫЙ ИЗ „КУБИКОВ“

НА СТРОИЛКАХ
ШЕСТОЙ
ПЯТИЛЕТКИ

Позавчера в Кремле вручены ордена и медали большой группе строителей столицы. Старейший трест «Мосжилстрой» награжден орденом Ленина, тресты «Строитель» и «Мосотделстрой» № 1 — орденами Трудового Красного Знамени, 2260 особо отличившихся производственников — орденами и медалями СССР, двенадцать выдающихся новаторов строительной индустрии присвоено звание Героя Социалистического Труда. Высокие правительственные награды — признание заслуг всего многотысячного коллектива московских строителей.

С трибуны шестой сессии Верховного Совета СССР оглашены цифры, свидетельствующие о дальнейшем значительном расширении строительства в городах и селах страны. В 1957 году общая площадь одних только новых жилых домов достигнет 46 миллионов квадратных метров — на 28 процентов больше, чем в минувшем году.

Все больше технических новшеств встречается на строительных площадках. Ниже мы рассказываем об одном из таких новшеств — о крупнопанельных бескаркасных домах, в строительстве которых участвовала группа строителей из числа награжденных орденами и медалями СССР.

У кого из малышей нет этого небольшого ящика с набором деревянных деталей, из которых юный архитектор может в несколько минут построить многоэтажный дом? Вот он берет несколько продолговатых кубиков, укладывает их вместе, и готов фундамент будущего дома. На фундамент он ставит в несколько этажей деревянные панели с нарисованными на них окнами и дверями. Сверху ложится окрашенная в красивый цвет двухскатная крыша. Дом готов!

Многие из нас, взрослых, забывая эту игру, наверное, думают: «Вот бы так просто строить настоящие дома!» И лишь немногие знают, что мечта эта претворяется в жизнь. Ученые и инженеры разработали несколько проектов подобных сборных домов, но, пожалуй, одним из самых удачных является дом, о котором мы расскажем.

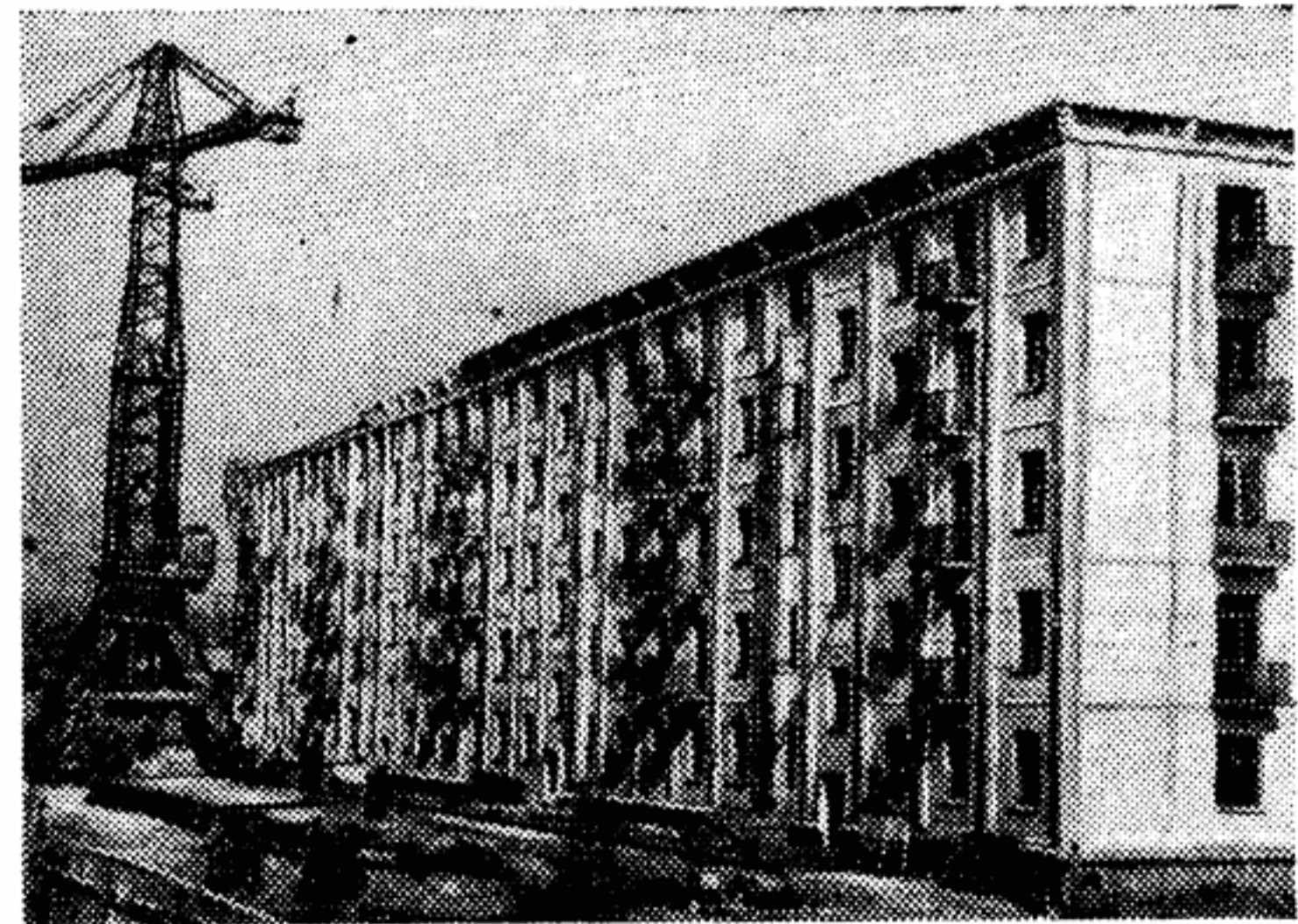
На 6-й улице Большого Октябрьского поля, нового жилого района столицы, два года назад выросло большое здание, состоящее из трех корпусов — семитажного центрального и двух боковых по пять этажей. Оно несколько отличается от своих соседей: вертикальные и горизонтальные линии делают его фасад на большие квадраты — крупные панели. Это дом бескаркасной конструкции. Он построен по проекту Академии строительства и архитектуры СССР. В конце прошлого года сдан в эксплуатацию второе такое здание — на 4-й улице Большого Октябрьского поля. Рядом сооружается сейчас третий дом. Начинают строить подобные здания и в других наших городах.

Что же представляют собой такие дома? В бескаркасном доме, как ясно уже из самого названия, никакого каркаса нет. Здесь внутренние стены «несут» и себя и перекрытия, состоят они из крупных панелей высотой в этаж. Отсутствие каркаса не делает здание менее прочным. Внутренние стены, скрепленные на стыках специальными металлическими накладками, надежно связывают все конструкции. Больше того, крупнопанельный бескаркасный дом намного прочнее кирпичного.

Очевидны и другие преимущества такой конструкции. Меньше нужно материалов. Легче и проще, а следовательно, и быстрее можно возводить строения. Шлакобетонные панели, из которых собирается дом, привозятся на площадку прямо с завода; в панели вставлены оконные переплеты, двери. На площадке никакие строительные материалы вы не увидите — они здесь не нужны.

Как строится крупнопанельный дом? Рассаживаем об этом на примере одной из строек, что на 4-й улице Большого Октябрьского поля.

Фанной весной прошлого года на площадке появился экскаватор. За несколько дней он вырыл котлован под фундамент. Затем пришла строительная бригада, чтобы уложить бетонные блоки фундамента. Так называлась нулевой, как его называют строители, цикл работ по сооружению здания. Пока рабочие делали фундамент, подвозили коммуникации водопровода, газа, на площадку непрерывно прибывали специально оборудованные машины — «панелевозы» со шлакобе-

На снимке: крупнопанельный бескаркасный дом, сооруженный на 4-й улице Большого Октябрьского поля. Фото И. Фомина

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

БАКУ. (Наш корр.). В Азербайджане живет и трудится большая группа армянских писателей. На днях принято решение об издании в Баку литературно-художественного журнала «Гракан Адрбежан» («Литературный Азербайджан») на армянском языке. Новый журнал будет выходить шесть раз в год, первый номер ожидается в феврале. Редактором журнала назначен писатель С. Григорян.

Советские ученые работают сейчас над рядом проблем, имеющих важное значение для развития экономики, науки и культуры. «Литературная газета» обратилась к нескольким видным ученым в области физики, технических наук, геологии и других отраслей знания с просьбой рассказать об этих работах. Сегодня начинаем публиковать полученные нами сообщения.

Советские ученые работают сейчас над рядом проблем, имеющих важное значение для развития экономики, науки и культуры. «Литературная газета» обратилась к нескольким видным ученым в области физики, технических наук, геологии и других отраслей знания с просьбой рассказать об этих работах. Сегодня начинаем публиковать полученные нами сообщения.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ДВИГАТЕЛЯ

Чем я занимаюсь в 1957 году? Мой ответ на этот вопрос, возможно, кое-кому удивит. Дело в том, что среди других замыслов я намерен также продать работу над поршневым двигателем внутреннего сгорания. Те, кто знает о моем участии в создании современных турбореактивных авиационных двигателей, могут сказать: — Позвольте, как же так? Ведь в сравнении с реактивным двигателем поршневой — это вчерашний день. Неужели Михаилу решил двигаться в развитии техники не вперед, а назад? Тех, кто так подумает, я попрошу не спать с уמוлазачиваниями и совершить со мной небольшую экскурсию в область поршневой техники. Действительно, многие даже вполне квалифицированные специалисты считают, что с ее появлением, что она

зашла в тупик и должна уступить место реактивной, газотурбинной. Чего проще, казалось бы, покончить с поршневым двигателем, дать ему умереть, так сказать, естественной смертью.

Одно соображение мешает так поступить: технически поршневой двигатель способен обеспечить наиболее экономичный расход горючего; в этом он не сравнится никакая газовая турбина. Однако теоретически возможно создание поршневого двигателя с низким практически не реализуемым в результате — малая эффективность. Происходит это из-за того, что поршневые двигатели пропускают через себя слишком мало воздуха, а следовательно, и кислорода, необходимого для полного сгорания топлива. Реальная же мощность двигателя прямо зависит от количества воздуха, проходя-

щего через них в единицу времени. Посмотрим, как обстоит дело на этот счет в двигателе всем хорошо знакомой «Победе». Здесь на каждые два оборота коленчатого вала на всасывание воздуха приходится только половина оборота. За это время цилиндр заполняется воздухом по весу примерно только на две трети. А теперь рассчитаем: если бы целиком по весу заполнить цилиндр воздухом, то уже одно это дало бы увеличение количества воздуха, — а следовательно, и теоретической мощности, — в полтора раза. Далее, если заполнить цилиндр воздухом не за два оборота коленчатого вала, а за один, это еще вдвое повысило бы мощность двигателя, то есть утроило бы ее в сравнении с существующей. А если к тому же увеличить в полтора раза плотность засасываемого воздуха, теоретическая мощность увиди-

лась бы уже в шесть раз, а эффективность еще выше.

Надо учесть множество сопутствующих явлений — увеличение потерь на трение (хотя бы вдвое) и другие обстоятельства. В результате расчетная эффективность мощности повысится у двигателя в семь-восемь раз.

Над проектом такого двигателя я работаю уже более года. За это время удалось создать и рассчитать принципиально новую схему конструкции, которая при одинаковом диаметре цилиндра и том же числе оборотов больше пропускает в пять раз больше воздуха, чем нынешний поршневой мотор. Предварительный расчет показал, что только с одного цилиндра такого двигателя можно снять больше мощности, чем сейчас дает весь четырехцилиндровый двигатель «Победа».

Сейчас готовы чертежи нового опытного цилиндра. В 1957 году предстоит воплощение этих чертежей в металле. Это самый трудный этап создания новой конструкции. В ходе изготовления первой модели и во время испытаний всегда возникает множество «сюрпризов», требующих новых поисков, размышлений, расчетов. Но цель этой работы — возможность достигнуть высокой удельной мощности двигателя, думается мне, стоит того, чтобы тратить усилия на преодоление всех этих трудностей. Ведь если такой двигатель удастся построить, откроются большие возможности для значительного удешевления и улучшения наших автомобилей и тракторов. Они будут проще и дешевле в эксплуатации, а это имеет немалое значение для повышения благосостояния советских людей.

Я понимаю, что технические подробности, на которых я здесь остановился, могут быть, не очень занимательными. Но привел я их не без умысла. Я хочу пригласить читателей «Литературной газеты», интересующихся судьбами моторостроения, принять участие в практическом разрешении задачи, о которой здесь сказано. Перспективные и передовые конструктивные идеи и мысли приходят в голову не только тем, кому это полагается по должности и работе. Мне и хотелось бы, чтобы в задуманном мною деле оказывались можно больше добровольных участников. Я прошу бы их адресовать в Лабораторию двигателей Академии наук СССР, в которой разрабатывается задуманный поршневой двигатель нового типа.

А. МИКУЛИН, академик

ШЕСТАЯ СЕССИЯ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Вся жизнь страны, ее борьба за счастье трудового человека, ее думы о будущем находят свое отражение в речах депутатов на сессии Верховного Совета СССР. Дела общегосударственного масштаба, заботы и нужды казахского колхоза, планы нефтяников Татарии — все, что волнует, тревожит или радует трудящихся великой многонациональной державы, внимательно выслушивается и обсуждается сессией.

Единодушно одобряют депутаты народнохозяйственный план и проект Государственного бюджета, представляемые Советским правительством на рассмотрение высшего органа государственной власти. С удовлетворением отмечают посланцы братских республик увеличение удельного веса бюджетов союзных республик. Это крепкая база дальнейшего повышения их роли в хозяйственном и культурном строительстве.

Духом подлинного советского демократизма проникнута атмосфера сессии. На ее трибуну поднимаются практические работники и ученые, партийные и профсоюзные деятели, широко, по-государственному ставящие проблемы экономического и культурного развития страны. Депутаты говорят об угле и металле, о жилищном строительстве и работе школ, и во всем этом видна одна устремленность — сделать жизнь советского человека лучше, богаче, радостнее, а Родину — еще могущественнее.

Суровая и справедливая критика раздается на сессии в адрес многих министерств. Ораторы приводят факты забавных союзными и союзно-республиканскими министерствами вопросов строительства жилищ, школ, больниц. Это отсылка, в частности, к таким крупным министерствам, как путей сообщения, легкой промышленности, угольной, и многим другим. Многочисленными примерами подтверждают депутаты, к чему приводит занижение планов строительства этих важных объектов, распыление капиталовложений, срыв намеченных сроков.

Общественное, каких поистине огромных успехов достигла страна в расширении сети железных дорог. Но бурное развитие хозяйственной жизни и в самых отдаленных уголках страны настоятельно требует более высоких темпов прокладки путей. Прометов тому проводилось на сессии немало. Вот один из них: рост экономики Коми АССР серьезно тормозится из-за слабого развития сети железных и автомобильных дорог. Депутат З. В. Панев говорил: — Столица республики — город Сыктывкар не соединена железной дорогой с Воркутой. Ежегодно из-за бездорожья народному хозяйству наносится огромный ущерб, убытки достигают 140—150 миллионов рублей. Настоятельно пригласил депутат А. А. Микисел министра путей сообщения тов. Бещева побывать в Эстонии и познать на месте с техническим состоянием дорог, давно нуждающихся в улучшении.

С чувством ответственности перед народом

В Вильнюсе состоялся расширенный пленум правления Союза писателей Литвы. На пленуме присутствовало большинство членов союза, много начинающих литераторов, были приглашены режиссеры, композиторы, художники, артисты. Большой интерес к пленуму проявляли представители республики, состоявшегося в 1954 году. Повестка дня пленума была сформулирована так: «XX съезд КПСС и задачи литовской советской литературы».

Пленуму предшествовала серьезная подготовительная работа. Из номера в номер газета «Литература и мы» публиковала материалы под рубрикой «Навстречу пленуму», где и старшие писатели, и литературная молодежь делились своими мыслями о состоянии литовской литературы.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В начале доклада председатель правления Союза писателей республики А. Венцлова отметила изменения, которые произошли в международной обстановке после XX съезда КПСС: окрепли силы прогрессивного лагеря, с одной стороны, и возросла активность врагов социализма за рубежом, с другой. А. Венцлова говорила также о внутренней жизни Советского государства, о своевременности борьбы партии против культа личности и его последствий, о тех отрицательных явлениях, которые культ личности породил в литературе.

— Мы, литовские советские писатели, — заявил докладчик, — стоим за деловое творческое обсуждение проблем литературы и искусства на основе марксистско-ленинской эстетики. Но мы осуждаем произведение, искажающее советскую действительность, лакирующие или чернящие ее.

Даже недруги Советской Литвы, продолжает А. Венцлова, вынуждены признать несомненные успехи литовской советской литературы. Одно из наиболее радующих явлений — это рост прозы. Свидетельство этого роста — романы «Братья» А. Гудайтиса-Гузаявичуса, «Повстанцы» В. Миколайтиса-Путинаса, «Проданное лето» Ю. Балугиша, «Буше и ее сестры» и «Вилюс Каралюс» Е. Симонытите, «Добрый дом» М. Служинса, «Неман ломает лед» И. Усаевичуса. Эти произведения написаны людьми разных поколений, художниками разных творческих индивидуальностей и талантов. Одно из главных «обвинений» в адрес социалистического реализма со стороны его противников заключается в том, что этот метод якобы ведет к инвентаризации произведений. Современная литовская проза, как и поэзия, наглядно опровергает подобные измышления.

Коснувшись вопроса о перспективах социалистического реализма, докладчик сравнивает два произведения одного автора — ранний роман В. Миколайтиса-Путинаса «В тени алтарей» и его новый роман «Повстанцы», конкретно показывая достижения маститого художника, овладевшего передовым творческим методом.

Докладчик говорит о некоторых общих недостатках литовской прозы. Характерная слабость многих книг — их композиционная нестройность, неумение «справиться» с большим материалом. Как пример А. Венцлова приводит первый вариант «Братьев» А. Гудайтиса-Гузаявичуса — произведение значительное, но страдавшее от перегруженности публицистикой, документами, выходящими отступлениями.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛИТВЫ

Несомненные успехи литовской поэзии, Решительная борьба с риторикой, холодной декларативностью, лакировкой расширила возможности поэзии, дала простор для проявления творческой инициативы. За последние годы созданы интересные поэтические произведения, среди которых особенно выделяется сборник Э. Межелайтиса «Мой соловей».

Смело заявил о себе молодой отряд свободной поэтической молодежи. Она проявила свои силы и в крупных жанрах. Перу молодого поэта Ю. Марцинкявичуса принадлежит талантливая поэма «Двадцатая весна». К сожалению, в настоящее время несколько снизилась творческая активность поэтов старшего поколения.

Приближающиеся соратники советской власти ставят перед советскими писателями большие задачи. В частности, драматурги должны дать театрам боевой, современный, высокохудожественный репертуар. Литовская драматургия и в особенности кинодраматургия не могут сейчас похвастаться крупными достижениями. Совершенно недостаточно развиты сатира и литература для детей.

Много внимания в докладе было уделено критике и литературоведению, в частности вопросам оценки литературного наследства. Постепенно изживаются из критического обихода вульгаризаторство, догматизм, доктринерство.

До последнего времени из истории литературы незаслуженно исключались интересные произведения, были забыты некоторые писательские имена. Теперь в литературу вернулись писатели, долгое время не печатавшиеся. Мы должны определить их место в истории нашей литературы.

Враги Советской Литвы, буржуазные националисты, иногда изображают из себя этаких защитников литовской культуры, которыми они никогда не были. Настоящими хранителями и продолжателями лучших традиций литовской литературы являются литовские советские писатели. Нашим недругам мы могли бы ответить так: никогда еще слово литовского писателя не звучало громче, чем в наши дни. Оно слышно в Москве и Ереване, в Варшаве и Софии, в Берлине и Шанхае, отзывалось в сердцах миллионов новых читателей.

ЗАБОТЛИВО ВОСПИТЫВАТЬ МОЛОДЕЖЬ

Почти в каждом выступлении участника пленума затрагивались вопросы воспитания литовской молодежи. Историки резко говорили о недостатках в работе школ и вузов, о необходимости глубокой пропаганды марксистско-ленинских идей, решительной борьбы против меньшего влияния националистических элементов.

Об ответственности писателя за правильное воспитание молодежи горячо говорил поэт Э. Межелайтис: — Уму и сердцу народа надо дать хорошие книги, а это не такая простая задача. Писатель ни на минуту не должен забывать о воспитательной роли литературы. Не надо закрывать глаза на то, что в Литве есть люди с буржуазно-националистическими настроениями, которые стремятся то здесь, то там увести молодежь из-под нашего влияния. Необходимо более тесный контакт с читателем: мы тоном в заседаниях, в бумагах, спорим о домах и часто забываем главное — человека, который ждет духовной пищи. Мы должны поднять художественный уровень нашего читателя, отвращать его от низкопробной декадентской писанины, воспитывать на лучших образцах. Без совершенной художественной формы не может быть настоящего произведения искусства. К сожалению, наши критики мало пишут об эстетической стороне произведений.

Э. Межелайтиса поддержал поэт А. Юонина: — Мы живем в напряженное время. Нашими ошибками и трудностями пытаемся воспользоваться буржуазно-националистические элементы. Мы должны быть готовыми дать им достойный отпор. Мы все за Литву, но не за любую Литву, а только за советскую, социалистическую. Другой наш враг — мечание. Это страшные люди, у них один бог — свой живот. Находятся люди, которые склонны видеть одни недостатки и не желают замечать наши успехи. О недостатках, конечно, нужно говорить, но для того, чтобы исправлять их. Наша литература не может избежать нападков со стороны ее идейных противников. Эти нападки будут, и мы их не боимся. Нам нужна поэзия, которая сама нападала бы на врагов социализма. Но не надо сужать рамки поэзии. Невверно думать, что из нашей поэзии должны все исчезнуть соловьи.

Преподаватель Вильнюсского университета И. Костевичюте рассказала о недостатках изучения литературы в высших учебных заведениях, высказалась за совместную работу писателей и преподавателей в области воспитания студенчества.

К. Кубилинскис анализирует неудовлетворительное состояние детской литературы в республике, предлагает вновь организовать секцию детской литературы, он критикует программы и учебники для средних школ. Об отсутствии важнейших учебников, в частности по литературе для старших классов и по истории, и о неполноценности существующих напомнимали и другие участники пленума.

Большое внимание пленум уделит работе с молодыми литераторами. И сами молодые писатели активно участвовали в прениях. Драматург И. Сая, который в настоящее время учится на II курсе пединститута, но уже имеет в своем багаже три пьесы, говорит о трудностях, с которыми встречается в своей работе молодой автор. Делаем молодежи целиком посвятив свое выступление один из руководителей союза и сам еще молодой литератор М. Служинскис.

— Наша литературная молодежь очень талантлива. Она не шаркает из стороны в сторону. Молодежь работает, ищет, и это гарантия большого будущего нашей литературы. Для нас, для молодых, самый важный вопрос сейчас — это вопрос поэзии. От него мы никуда не уйдем. Литература не может оставаться в стороне от острой идеологической борьбы наших дней.

Ю. Марцинкявичус говорил о здоровой творческой атмосфере в советской литературе, о плодотворном влиянии решений XX съезда КПСС на ее развитие. Хорошо, что молодым писателям предоставлено слово в серьезном и ответственном разговоре, развернувшимся на пленуме. По составу участников и выступлениям этот пленум в значительной мере может быть назван пленумом молодых.

(Окончание на 3-й стр.)

Трудно без волнения воспринимать то, о чем говорила в своей речи депутат М. Д. Ковригина: о снижении смертности в нашей стране, о тех мерах, которые намечены в плане и в бюджете 1957 года для дальнейшего еще большего снижения заболеваемости населения. Показательно, заметила она, в этом смысле почти полная ликвидация малярии, которая в свое время наносила огромный ущерб здоровью трудящихся во многих районах. Еще более радостны перспективы будущего. Сессия заслушала о мерах борьбы с туберкулезом, которые должны привести к резкому снижению в стране заболевания, а лет через 15—20 — к ликвидации этого тяжелейшего наследия прошлого.

В прямой, непосредственной связи находится эта благородная задача с теми обширными планами экономического и культурного строительства СССР, ростом материального благосостояния советского народа, что лежат в основе обсуждаемых докладов.

Много депутатов высказалось уже в прениях. Их предложения, критика, захватывающие все области жизни советских людей, составляют ту сокровищницу народного опыта, что обогащает нашу жизнь, помогает исправить многие недостатки.

Сессия продолжает свою работу.

На снимке: группа депутатов-ученых во время перерыва между заседаниями. Слева направо — вице-президент Академии наук СССР, академик И. П. Бардин, президент Академии наук СССР А. Н. Несветлов, президент Академии наук Грузинской ССР Н. И. Мухомелишвили и президент Академии наук Армянской ССР В. А. Амбарцумян.

Фото В. Савостьянова и В. Соболева.

ИСТОРИЯ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА

На Кировском заводе (Ленинград) возобновляется работа над составлением истории этого предприятия, первый том которой выпущен еще в 1939 году. Ныне в инициативную группу вошли инженер Г. Иванов, бывший путилловец — кандидат экономических наук Н. Савушкин и преподаватель И. Ващенко, писатель Д. Левоневский, которые к работе над монографией привлекают большой коллектив авторов.

Воспоминания пишет: С. Афанасьев, который в 1922—1925 годах был директором завода; рабочий, коммунист-подпольщик, один из первых руководителей заводской профсоюзной организации А. Васильев; слесарь, участник боев против банд Юденича В. Гилис; активный участник Октябрьского вооруженного восстания слесарь П. Никишин; рабочий пушечной мастерской, ныне инженер С. Корчагин и другие.

Один из создателей монографии — почетный путилловский рабочий А. Иванов. В 1918 году он был разметчиком в котельном цехе. Общественность завода избрала его тогда председателем комиссии по обеспечению коллектива предприятия продовольствием и направил в В. И. Ленину с докладом о продовольственном положении.

— В мае 1918 года, как только я прибыл в Москву, — вспоминает А. Иванов, — меня сразу принял Владимир Ильич. Я рассказал о причинах, которые, на мой взгляд, создают хронические затруднения в стране. Владимир Ильич при мне написал письмо народному комиссару продовольствия с предложением создать продовольственные отряды из петроградских рабочих. Вскоре в «Правде» было опубликовано письмо Ленина к питерским рабочим «О голоде».

Таким имена некоторых кировецев, пишущих историю своего предприятия.

ПУШКИН И ЕГО ЭПОХА

О МНОГОМ можно задуматься, читая новые исследования о Пушкине — являю Б. Томашевского. Работа эта серьезная; в ней господствуют неподдельная научность, целенаправленная исследовательская наблюдательность, строгая и сдержанная мысль. Она может вызвать принципиальный спор о приемах исследования, о подходе к изучению литературы.

Пушкин и общественная жизнь его времени, Пушкин и его современники — вопросы, в решение которых погружен исследователь. Из них выдвинут на первый план, выделен особенно четко один, ведущий — Пушкин и народ. «Вряд ли, — говорится в книге, — следует... делать крайние выводы и думать, что Пушкин проповедовал крестьянскую революцию, однако к теме этой он несомненно подходил. Революция Пушкин ждал, при этом, в отличие от заговорщиков тайных обществ, он внимательно присматривался к участию народа в революционных движениях».

Разумеется, такой взгляд на творческий путь поэта не нов. Наше литературоведение давно пришло к идее, которая пронизывает книгу Б. Томашевского: творчество Пушкина прежде всего является творчеством поэта, а не исследователя. Пушкин — это неустанные поиски путей в народности литературы. Стало быть, дух новизны, которым овеяна книга (о хорошо знакомых по другим источникам событиях у В. Томашевского читаешь так, точно говорится о них впервые), возникает не за счет новой концепции, новой идеи, а за счет чего-то другого. Чего же?

Поэтикам Пушкина с книгой основательнее, убедительнее, обаятельнее и новы в ней не столько сами по себе высказываемые мысли, сколько то, как они доказываются, аргументируются.

«Пушкин» Б. Томашевского — не только историко-литературный труд. Это еще и своего рода обоснование определенных приемов научного исследования.

Б. Томашевский работает под знаком историзма, но допускает никаких произвольных толкований, не поддается соблазну проникнуться читательской «индивидуальной психикой». Он — беспристрастный и нелицеприятный исследователь событий, настроений, отказываясь, если можно так выразиться, «искать в литературе самого себя». Это не «объективизм». Это последовательная и неколебимая объективность. Именно эти качества книги создают впечатление ее своеобразия, и отсюда же возникает желание спорить с ней.

Главным героем книги остается, разумеется, поэт. Но, кажется, он никогда еще не предстал перед нами столь обыкновенным, земным, погруженным в мешанину современных ему свершений, событий и происшествий. Он — первый среди равных. Рядом с его фигурой встают фигуры его противников и единомышленников. Его художественное творчество — выражение солидарности с одним, дружеский спор с другими, беспокойное разоблачение третьих, насмешка, вызов на поединок, отклик на вчерашнее или сегодняшнее. Рядом с Пушкиным и его современниками полтораправый герой книги выступает исторический документ, отрывок из затерянного в архиве письма, — словом, строго выверенный исторический факт, неопровержимый и неоспоримый.

Да и само художественное произведение в книге — это в первую очередь своеобразный документ, непоколебимо свидетельствующий о тех или иных закономерностях хода истории литературы. И «Евгений Онегин», и «Цыганы», и трагические стихи о безвременном вышедшем на пустынную ниву сеятеле свободы — плод сложного сочетания общественных и литературных событий.

Б. Томашевский, «Пушкин». Книга первая. (1812—1824). Издательство Академии наук СССР, 1956. 740 стр.

рять не только о том, чем рождены их сомнения, но и о том, что именно они ставят под вопрос.

В эти месяцы ожесточенной полемики, запальчивых обвинений, поспешных обобщений мне представляется чрезвычайно своевременным высказать мою точку зрения на пути развития советской культуры.

2. Я получаю письмо от сельской учительницы, она пишет: «Многие внимательно следят за литературой, много спорят, и я прошу вас помочь мне разобраться в некоторых вопросах. Недавно я ездила в командировку в Тулу, там я слушала доклад о литературе. Докладчик объявил, что теперь много говорят о борьбе против буржуазной идеологии и что из этого нужно сделать выводы. Когда я об этом рассказала нашим преподавателям, Р. всплеснула руками и сказала: значит, больше не будут печататься таких романов, как «Тихий американец». Мы получаем «Иностранную литературу», и всем у нас понравился роман Грина, да и другие там были хорошие романы — Ремарка, Хемингуэя и др. Я спорила с Р. По-моему, это абсурдный вывод. А наш завуч считает, что все это относится к советской литературе, что нужно бороться против проявления в нее буржуазной идеологии. Этого я просто не могу себе представить! Я слежу за журналами, много читаю, но я сразу же не увидела никакой буржуазной идеологии. У меня явные претензии к советской литературе — мало хороших, глубоких книг. Я понимаю, что это смешно ставить в упрек, что писать о чем-то, и я говорю об этом только, как о мечте — моей и всех наших. От нас до райцентра сорок километров, книги для нас все. Иногда нечего читать, тогда я поворачиваю на память стихи, и на душе становится сразу светлее...»

Вопросы читательницы близки к той теме, которую я поставил, и я попытаюсь на них ответить. Статью эту я пишу не только для моих западных читателей. Советскому писателю теперь еще важнее побеседовать с советскими читателями.

Враги социализма стремятся отбросить человечество к небомрам голам «холодной войны». Пренебрегая интересами своих народов, они хотят оборвать те культурные связи, которые за последние годы ширятся и укрепляются. Им удалось уговорить, вернее, заговорить отдельных деятелей культуры Запада, и я с печалью узнал, что некоторые из них, еще недавно отстаивавшие идею культурного сотрудничества между странами Запада и Востока, теперь перешли на позиции духовных моподопистов и культурных изоляционистов. Нужно ли снова и снова доказывать, что никакие идеологические расхождения не

В. ТУРБИН

Восхищено окружение Пушкина. Нам как бы предлагают листать книги, которые писали друзья и единомышленники поэта, и смотреть на мир глазами людей его века. Приведены выдержки из сочинений правоведов, историков, теоретиков политической экономии, оказавших на оду прямое и очевидное влияние. Мысли поэта соотносятся с мыслями отечественных и зарубежных просветителей. «...Пушкин, — комментирует исследователь разбор стихотворения, — начинает излагать основы своей политической доктрины». И он приводит нас к выводу: характерной чертой «Вольности» является «вера в закон», стойкая, но еще носящая несколько отвлеченный характер.

Он прав. Но... его историзм как-то слишком суров. Иному литературоведу «Вольности» могла бы дать и больше. Вспомним широко известные строки:

Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа.
Но вечный выше вас закон.

Неужели это — только политическая доктрина и ничего больше? Вряд ли. Ведь, возможно, именно в «Вольности» зародились первые проблески необщитной художественно-философской концепции Пушкина. Перед взором поэта уже начинает вырастать гигантский образ «закона» — закона отнюдь не только в правовом, юридическом смысле слова. Закон в глазах Пушкина — сложная система незримых и вечных закономерностей жизни общества и природы. «Иран» в «Вольности» — не только узорчатый политический узор, но и слепок, идущий наперекор «вечному закону» истории и опротивчиво пытающийся управлять ею по своему произволу. И явственно сказалося в «Вольности» чисто пушкинское недоверие к историческому авантюризму, не желающему считаться с объективным ходом событий, авантюризму, который позже был художественно разработан в образе Наполеона и в образе Самозванца. Может быть, она ознаменовала и начало его философских и творческих расхождений с декабристами, которых поэт, поднимавший сложные вопросы философии истории, стал, возможно, опережать уже в год создания «Вольности».

Так или иначе, но немного жаль, что исследователь неохотно отказывается видеть не только то, что сказал поэт, но и то, что «сказалось» в его творениях.

Но пусть толкование «Вольности» остается спорным в лучшем смысле слова. Толкование «Деревни» неудачно. Оказывается, в стихотворении «топографический» метод в той интерпретации, которую придает ему Б. Томашевский. Ведь предмет изучения литературоведа — художественный образ, сложное значение которого порой раскрывается с течением времени, на протяжении эпох.

И неужели читатель-литературовед не имеет права на догадку, на домысел, помогающий проникнуть в «тайны» художественного образа и познать объективные закономерности истории литературы? На наш взгляд, нет. И именно это дано отрывку в неистощаемой поэзии Пушкина новые оттенки, краски, образы, мысли.

Как и все мои соотечественники, я считаю необходимым согласием во всеобщем разрушении, но мне не кажется, что при этом у людей нужно отобрать то высокое и благородное оружие, каким является сознание.

Я люблю многих писателей современной Америки, например, Хемингуэя, Колдуэлла, Фолкнера, Стейнбека, Фаста, Сарояна. Я рад, что многие книги этих писателей переведены на русский язык и полюбились советским читателям. Разве кто-нибудь может сделать из этого вывод, что мы отказались от борьбы против философии расизма, весьма распространенной в той же Америке, против бесчеловечных теорий Фомы, против различных ученых мораль «свободной конкуренции»? Я высоко ставлю живописца Пикассо, Матисса, Руо, Марка, Леже, Брака и многих других французских художников. Слепо, механическое подражание некоторым холстам Пикассо и Брака привело к еще большему распространению на Западе абстрактного искусства, которое мне представляется бесчеловечным и от борьбы против которого я могу отказаться. Я ценю многих современных писателей Франции и делаю все, что в моих силах, чтобы советские читатели могли познакомиться с их книгами. Но многое во французской литературе мне кажется неприемлемым и антигуманным, это — произведения авторов, изучающих все виды человеческих извращений и все формы человеческой отчужденности.

Идеологическая борьба должна быть серьезным разбором позиций противника, а не набором уничижительных эпитетов, и вести эту борьбу нужно не на уровне карикатур или хлестких фельетонов. Эта борьба для нас не оборона, а духовное наступление, она необходима для развития и углубления социалистической идеологии.

Мне кажется, что порой наши изыскания, редакционные коллегии, критики подходят к серьезнейшим проблемам идеологии по вычитанию последних телеграмм из-за границы. Я прочитал французскую пьесу «Ночной переполох» летом, и она тогда мне показалась фарсом средней руки. Такой она мне кажется и теперь. Если же имеются рецензенты, которые летом она казалась высоким художественным произведением и которые теперь рассматривают ее как мину амедленного действия, то, право же, это свидетельствует о несерьезном отношении к серьезной проблеме борьбы против буржуазной идеологии.

Защитники капитализма редко находят философов, писателей, художников, кото-

рые выступают с защитой мира, денег, наживы и поправки справедливости. Гораздо чаще руководящие круги буржуазного общества прибегают к эрзац-культуре, к бульварным романам, пьесам, фильмам, к рисункам «комикс», не только не развивающим мышление человека, но притупляющим его. Может быть, наиболее яркими примерами такого организованного отупления людей являются сокращенные издания романов («дайджест»), в которых «Анна Каренина» или «Брасное и черное» становятся пошлейшими историями. Или издания в виде «комикс» романов Достоевского. Ежегодно изготавливаются тысячи фильмов с мелькающим кадром, с пошлыми песенками, причем ни один зритель, выходя из кинотеатра, не может не рассказать содержание картины. Борьба с таким рода явлениями, защита от них людей, особенно детей и подростков — долг каждого разумного общества.

Конечно, нам нужно сопротивляться проникновению в нашу литературу (вернее сказать, в наш быт) пошлости, вездеского рода подлости под искусство. Конечно, нам нужно умно и восторженно разоблачать попытки западных литераторов (по большей части достаточно грубоватые и наивные), опираться в философии или в литературе капитализма с его катехизической «священной собственностью» и «свободной конкуренцией», с культом индивидуализма и с попарным индивидуализмом. Однако хочется еще раз подчеркнуть, что руководители государств Запады плохо верят в наступательную силу своих идей. Именно поэтому они столь упорно уклоняются от разрушения. Они куда больше рассчитывают на свои бомбы, нежели на своих философов или писателей. Они явно предпочитают браiance оружием мирным искусствам и мирному соревнованию.

Я не люблю говорить о тех наших ошибках, которые мы исправили; куда важнее сказать о других ошибках, которые еще нужно исправлять и которые порой задерживают развитие нашей культуры. Все же об одной прошлой ошибке я должен напомнить. Лет семь или восемь назад у нас много говорили о борьбе против «низкопоклонства». Боролось против «низкопоклонства» всячески: работники пищевой промышленности успешно переименовывали приножки: литераторы доказывали, что в древности к нам никак не могли проникнуть ни пыльные боссы, ни греческие эпонны, что ни Шекспир, ни Мольер, ни Лафонтен не появлялись ни на одном русском авторе; драматурги изображали советских ученых, композиторы, архитекторы, якобы рабки преданных, кто В.И. Ленин, кто Джамал, кто небоскребам. Борьба велась энергично, но никто не мог

своим мыслям и настроениям. И ведь не один раз происходит подобное. Но стоит исследователю отстранился от этой нарочитой объективности, и в его книге появляются по-настоящему блестящие страницы, главы, разделы. В нем отбрасывается и глава о «Русляне и Людмиле», и особенно главы о южных поэмах.

Конечно, кое-что вызывает возмущения и здесь. К примеру, приемы анализа художественного стиля, намеченные в главе о «Братьях разбойниках»: «...рассказ о решении пойти на разбой изложен в форме прошедшего совершенного. Эта форма глагола драматизирует действие: она выражает отдельные события, как бы цепляющиеся одно за другое. Вместо суммарного рассказа мы чувствуем движение...».

Да, хорошо, конечно, что даже безадаптно объективный исследователь вдруг заговорил о том, что «мы чувствуем». Но не «прошедшее совершенное» все же навевает нам и чувство движения, и многие другие чувства. И напрасно, пожалуй, Б. Томашевский стремится искать особенности стилистического мастерства поэта в использовании грамматической формы.

Но это частности. А в целом страницы о южных поэмах привлекают именно благодаря соединению тростри историка с интуицией, догадкой зорого читателя. Предметом изучения оказываются уже не одни обстоятельства, сопутствовавшие созданию художественного образа, но сам образ. Это крайне своеобразный образ противоречивой и могущественной страсти — образ, переходящий из поэмы в поэму, варьирующийся и объединяющийся в законченный цикл «Кавказского пленника», «Братьев разбойников», «Бахчисарайский фонтан» и поэму «Цыганы».

Можно только приветствовать страницы, посвященные теоретическому освещению пушкинского романтизма. Здесь мы находим четкую, ясно очерченную концепцию романтизма Пушкина. Романтизм в освещении исследователя знаменует «...поэтическое новаторство, смелое и свободное нарушение отживших форм и традиций в литературе».

В то же время Б. Томашевский исследует и внутреннее противоречие романтизма, его неожиданное тяготение к классицизму. Гиперболизм обобщений, по мнению исследователя, остается и у романтиков, несмотря на то, что моральная основа страстей у них — не то, что у классиков. И именно эту искусственную грань поэты преодолевают. Пушкин, таким образом, борется не с романтизмом (с «целом», «гогулем», а с романтизмом в его лучших сторонах романтизма он бережно сохраняет и стремится развить.

Эта историческая обоснованная и пристрастная мысль исследователя противостоит антиисторическим нападкам на романтизм, своеобразной «романтизмобозани», с проявлениями которой нам все еще приходится сталкиваться.

Да, труд Б. Томашевского вызывает противоречивые мысли. Мы вместе с автором книги — против импрессионизма при разборе произведений и ближайших словозвержений. Но мы не склонны безоговорочно принимать объективно-исторический метод в той интерпретации, которую придает ему Б. Томашевский. Ведь предмет изучения литературоведа — художественный образ, сложное значение которого порой раскрывается с течением времени, на протяжении эпох.

И неужели читатель-литературовед не имеет права на догадку, на домысел, помогающий проникнуть в «тайны» художественного образа и познать объективные закономерности истории литературы? На наш взгляд, нет. И именно это дано отрывку в неистощаемой поэзии Пушкина новые оттенки, краски, образы, мысли.

Как и все мои соотечественники, я считаю необходимым согласием во всеобщем разрушении, но мне не кажется, что при этом у людей нужно отобрать то высокое и благородное оружие, каким является сознание.

Я люблю многих писателей современной Америки, например, Хемингуэя, Колдуэлла, Фолкнера, Стейнбека, Фаста, Сарояна. Я рад, что многие книги этих писателей переведены на русский язык и полюбились советским читателям. Разве кто-нибудь может сделать из этого вывод, что мы отказались от борьбы против философии расизма, весьма распространенной в той же Америке, против бесчеловечных теорий Фомы, против различных ученых мораль «свободной конкуренции»? Я высоко ставлю живописца Пикассо, Матисса, Руо, Марка, Леже, Брака и многих других французских художников. Слепо, механическое подражание некоторым холстам Пикассо и Брака привело к еще большему распространению на Западе абстрактного искусства, которое мне представляется бесчеловечным и от борьбы против которого я могу отказаться. Я ценю многих современных писателей Франции и делаю все, что в моих силах, чтобы советские читатели могли познакомиться с их книгами. Но многое во французской литературе мне кажется неприемлемым и антигуманным, это — произведения авторов, изучающих все виды человеческих извращений и все формы человеческой отчужденности.

Идеологическая борьба должна быть серьезным разбором позиций противника, а не набором уничижительных эпитетов, и вести эту борьбу нужно не на уровне карикатур или хлестких фельетонов. Эта борьба для нас не оборона, а духовное наступление, она необходима для развития и углубления социалистической идеологии.

Мне кажется, что порой наши изыскания, редакционные коллегии, критики подходят к серьезнейшим проблемам идеологии по вычитанию последних телеграмм из-за границы. Я прочитал французскую пьесу «Ночной переполох» летом, и она тогда мне показалась фарсом средней руки. Такой она мне кажется и теперь. Если же имеются рецензенты, которые летом она казалась высоким художественным произведением и которые теперь рассматривают ее как мину амедленного действия, то, право же, это свидетельствует о несерьезном отношении к серьезной проблеме борьбы против буржуазной идеологии.

Защитники капитализма редко находят философов, писателей, художников, кото-

рываются с защитой мира, денег, наживы и поправки справедливости. Гораздо чаще руководящие круги буржуазного общества прибегают к эрзац-культуре, к бульварным романам, пьесам, фильмам, к рисункам «комикс», не только не развивающим мышление человека, но притупляющим его. Может быть, наиболее яркими примерами такого организованного отупления людей являются сокращенные издания романов («дайджест»), в которых «Анна Каренина» или «Брасное и черное» становятся пошлейшими историями. Или издания в виде «комикс» романов Достоевского. Ежегодно изготавливаются тысячи фильмов с мелькающим кадром, с пошлыми песенками, причем ни один зритель, выходя из кинотеатра, не может не рассказать содержание картины. Борьба с таким рода явлениями, защита от них людей, особенно детей и подростков — долг каждого разумного общества.

Конечно, нам нужно сопротивляться проникновению в нашу литературу (вернее сказать, в наш быт) пошлости, вездеского рода подлости под искусство. Конечно, нам нужно умно и восторженно разоблачать попытки западных литераторов (по большей части достаточно грубоватые и наивные), опираться в философии или в литературе капитализма с его катехизической «священной собственностью» и «свободной конкуренцией», с культом индивидуализма и с попарным индивидуализмом. Однако хочется еще раз подчеркнуть, что руководители государств Запады плохо верят в наступательную силу своих идей. Именно поэтому они столь упорно уклоняются от разрушения. Они куда больше рассчитывают на свои бомбы, нежели на своих философов или писателей. Они явно предпочитают браiance оружием мирным искусствам и мирному соревнованию.

Я не люблю говорить о тех наших ошибках, которые мы исправили; куда важнее сказать о других ошибках, которые еще нужно исправлять и которые порой задерживают развитие нашей культуры. Все же об одной прошлой ошибке я должен напомнить. Лет семь или восемь назад у нас много говорили о борьбе против «низкопоклонства». Боролось против «низкопоклонства» всячески: работники пищевой промышленности успешно переименовывали приножки: литераторы доказывали, что в древности к нам никак не могли проникнуть ни пыльные боссы, ни греческие эпонны, что ни Шекспир, ни Мольер, ни Лафонтен не появлялись ни на одном русском авторе; драматурги изображали советских ученых, композиторы, архитекторы, якобы рабки преданных, кто В.И. Ленин, кто Джамал, кто небоскребам. Борьба велась энергично, но никто не мог

своим мыслям и настроениям. И ведь не один раз происходит подобное. Но стоит исследователю отстранился от этой нарочитой объективности, и в его книге появляются по-настоящему блестящие страницы, главы, разделы. В нем отбрасывается и глава о «Русляне и Людмиле», и особенно главы о южных поэмах.

Конечно, кое-что вызывает возмущения и здесь. К примеру, приемы анализа художественного стиля, намеченные в главе о «Братьях разбойниках»: «...рассказ о решении пойти на разбой изложен в форме прошедшего совершенного. Эта форма глагола драматизирует действие: она выражает отдельные события, как бы цепляющиеся одно за другое. Вместо суммарного рассказа мы чувствуем движение...».

Да, хорошо, конечно, что даже безадаптно объективный исследователь вдруг заговорил о том, что «мы чувствуем». Но не «прошедшее совершенное» все же навевает нам и чувство движения, и многие другие чувства. И напрасно, пожалуй, Б. Томашевский стремится искать особенности стилистического мастерства поэта в использовании грамматической формы.

Но это частности. А в целом страницы о южных поэмах привлекают именно благодаря соединению тростри историка с интуицией, догадкой зорого читателя. Предметом изучения оказываются уже не одни обстоятельства, сопутствовавшие созданию художественного образа, но сам образ. Это крайне своеобразный образ противоречивой и могущественной страсти — образ, переходящий из поэмы в поэму, варьирующийся и объединяющийся в законченный цикл «Кавказского пленника», «Братьев разбойников», «Бахчисарайский фонтан» и поэму «Цыганы».

Можно только приветствовать страницы, посвященные теоретическому освещению пушкинского романтизма. Здесь мы находим четкую, ясно очерченную концепцию романтизма Пушкина. Романтизм в освещении исследователя знаменует «...поэтическое новаторство, смелое и свободное нарушение отживших форм и традиций в литературе».

В то же время Б. Томашевский исследует и внутреннее противоречие романтизма, его неожиданное тяготение к классицизму. Гиперболизм обобщений, по мнению исследователя, остается и у романтиков, несмотря на то, что моральная основа страстей у них — не то, что у классиков. И именно эту искусственную грань поэты преодолевают. Пушкин, таким образом, борется не с романтизмом (с «целом», «гогулем», а с романтизмом в его лучших сторонах романтизма он бережно сохраняет и стремится развить.

Эта историческая обоснованная и пристрастная мысль исследователя противостоит антиисторическим нападкам на романтизм, своеобразной «романтизмобозани», с проявлениями которой нам все еще приходится сталкиваться.

Да, труд Б. Томашевского вызывает противоречивые мысли. Мы вместе с автором книги — против импрессионизма при разборе произведений и ближайших словозвержений. Но мы не склонны безоговорочно принимать объективно-исторический метод в той интерпретации, которую придает ему Б. Томашевский. Ведь предмет изучения литературоведа — художественный образ, сложное значение которого порой раскрывается с течением времени, на протяжении эпох.

И неужели читатель-литературовед не имеет права на догадку, на домысел, помогающий проникнуть в «тайны» художественного образа и познать объективные закономерности истории литературы? На наш взгляд, нет. И именно это дано отрывку в неистощаемой поэзии Пушкина новые оттенки, краски, образы, мысли.

Как и все мои соотечественники, я считаю необходимым согласием во всеобщем разрушении, но мне не кажется, что при этом у людей нужно отобрать то высокое и благородное оружие, каким является сознание.

Я люблю многих писателей современной Америки, например, Хемингуэя, Колдуэлла, Фолкнера, Стейнбека, Фаста, Сарояна. Я рад, что многие книги этих писателей переведены на русский язык и полюбились советским читателям. Разве кто-нибудь может сделать из этого вывод, что мы отказались от борьбы против философии расизма, весьма распространенной в той же Америке, против бесчеловечных теорий Фомы, против различных ученых мораль «свободной конкуренции»? Я высоко ставлю живописца Пикассо, Матисса, Руо, Марка, Леже, Брака и многих других французских художников. Слепо, механическое подражание некоторым холстам Пикассо и Брака привело к еще большему распространению на Западе абстрактного искусства, которое мне представляется бесчеловечным и от борьбы против которого я могу отказаться. Я ценю многих современных писателей Франции и делаю все, что в моих силах, чтобы советские читатели могли познакомиться с их книгами. Но многое во французской литературе мне кажется неприемлемым и антигуманным, это — произведения авторов, изучающих все виды человеческих извращений и все формы человеческой отчужденности.

Идеологическая борьба должна быть серьезным разбором позиций противника, а не набором уничижительных эпитетов, и вести эту борьбу нужно не на уровне карикатур или хлестких фельетонов. Эта борьба для нас не оборона, а духовное наступление, она необходима для развития и углубления социалистической идеологии.

Мне кажется, что порой наши изыскания, редакционные коллегии, критики подходят к серьезнейшим проблемам идеологии по вычитанию последних телеграмм из-за границы. Я прочитал французскую пьесу «Ночной переполох» летом, и она тогда мне показалась фарсом средней руки. Такой она мне кажется и теперь. Если же имеются рецензенты, которые летом она казалась высоким художественным произведением и которые теперь рассматривают ее как мину амедленного действия, то, право же, это свидетельствует о несерьезном отношении к серьезной проблеме борьбы против буржуазной идеологии.

Защитники капитализма редко находят философов, писателей, художников, кото-

рые выступают с защитой мира, денег, наживы и поправки справедливости. Гораздо чаще руководящие круги буржуазного общества прибегают к эрзац-культуре, к бульварным романам, пьесам, фильмам, к рисункам «комикс», не только не развивающим мышление человека, но притупляющим его. Может быть, наиболее яркими примерами такого организованного отупления людей являются сокращенные издания романов («дайджест»), в которых «Анна Каренина» или «Брасное и черное» становятся пошлейшими историями. Или издания в виде «комикс» романов Достоевского. Ежегодно изготавливаются тысячи фильмов с мелькающим кадром, с пошлыми песенками, причем ни один зритель, выходя из кинотеатра, не может не рассказать содержание картины. Борьба с таким рода явлениями, защита от них людей, особенно детей и подростков — долг каждого разумного общества.

Конечно, нам нужно сопротивляться проникновению в нашу литературу (вернее сказать, в наш быт) пошлости, вездеского рода подлости под искусство. Конечно, нам нужно умно и восторженно разоблачать попытки западных литераторов (по большей части достаточно грубоватые и наивные), опираться в философии или в литературе капитализма с его катехизической «священной собственностью» и «свободной конкуренцией», с культом индивидуализма и с попарным индивидуализмом. Однако хочется еще раз подчеркнуть, что руководители государств Запады плохо верят в наступательную силу своих идей. Именно поэтому они столь упорно уклоняются от разрушения. Они куда больше рассчитывают на свои бомбы, нежели на своих философов или писателей. Они явно предпочитают браiance оружием мирным искусствам и мирному соревнованию.

Я не люблю говорить о тех наших ошибках, которые мы исправили; куда важнее сказать о других ошибках, которые еще нужно исправлять и которые порой задерживают развитие нашей культуры. Все же об одной прошлой ошибке я должен напомнить. Лет семь или восемь назад у нас много говорили о борьбе против «низкопоклонства». Боролось против «низкопоклонства» всячески: работники пищевой промышленности успешно переименовывали приножки: литераторы доказывали, что в древности к нам никак не могли проникнуть ни пыльные боссы, ни греческие эпонны, что ни Шекспир, ни Мольер, ни Лафонтен не появлялись ни на одном русском авторе; драматурги изображали советских ученых, композиторы, архитекторы, якобы рабки преданных, кто В.И. Ленин, кто Джамал, кто небоскребам. Борьба велась энергично, но никто не мог

своим мыслям и настроениям. И ведь не один раз происходит подобное. Но стоит исследователю отстранился от этой нарочитой объективности, и в его книге появляются по-настоящему блестящие страницы, главы, разделы. В нем отбрасывается и глава о «Русляне и Людмиле», и особенно главы о южных поэмах.

Конечно, кое-что вызывает возмущения и здесь. К примеру, приемы анализа художественного стиля, намеченные в главе о «Братьях разбойниках»: «...рассказ о решении пойти на разбой изложен в форме прошедшего совершенного. Эта форма глагола драматизирует действие: она выражает отдельные события, как бы цепляющиеся одно за другое. Вместо суммарного рассказа мы чувствуем движение...».

Да, хорошо, конечно, что даже безадаптно объективный исследователь вдруг заговорил о том, что «мы чувствуем». Но не «прошедшее совершенное» все же навевает нам и чувство движения, и многие другие чувства. И напрасно, пожалуй, Б. Томашевский стремится искать особенности стилистического мастерства поэта в использовании грамматической формы.

Но это частности. А в целом страницы о южных поэмах привлекают именно благодаря соединению тростри историка с интуицией, догадкой зорого читателя. Предметом изучения оказываются уже не одни обстоятельства, сопутствовавшие созданию художественного образа, но сам образ. Это крайне своеобразный образ противоречивой и могущественной страсти — образ, переходящий из поэмы в поэму, варьирующийся и объединяющийся в законченный цикл «Кавказского пленника», «Братьев разбойников», «Бахчисарайский фонтан» и поэму «Цыганы».

Можно только приветствовать страницы, посвященные теоретическому освещению пушкинского романтизма. Здесь мы находим четкую, ясно очерченную концепцию романтизма Пушкина. Романтизм в освещении исследователя знаменует «...поэтическое новаторство, смелое и свободное нарушение отживших форм и традиций в литературе».

В то же время Б. Томашевский исследует и внутреннее противоречие романтизма, его неожиданное тяготение к классицизму. Гиперболизм обобщений, по мнению исследователя, остается и у романтиков, несмотря на то, что моральная основа страстей у них — не то, что у классиков. И именно эту искусственную грань поэты преодолевают. Пушкин, таким образом, борется не с романтизмом (с «целом», «гогулем», а с романтизмом в его лучших сторонах романтизма он бережно сохраняет и стремится развить.

Эта историческая обоснованная и пристрастная мысль исследователя противостоит антиисторическим нападкам на романтизм, своеобразной «романтизмобозани», с проявлениями которой нам все еще приходится сталкиваться.

Да, труд Б. Томашевского вызывает противоречивые мысли. Мы вместе с автором книги — против импрессионизма при разборе произведений и ближайших словозвержений. Но мы не склонны безоговорочно принимать объективно-исторический метод в той интерпретации, которую придает ему Б. Томашевский. Ведь предмет изучения литературоведа — художественный образ, сложное значение которого порой раскрывается с течением времени, на протяжении эпох.

И неужели читатель-литературовед не имеет права на догадку, на домысел, помогающий проникнуть в «тайны» художественного образа и познать объективные закономерности истории литературы? На наш взгляд, нет. И именно это дано отрывку в неистощаемой поэзии Пушкина новые оттенки, краски, образы, мысли.

Как и все мои соотечественники, я считаю необходимым согласием во всеобщем разрушении, но мне не кажется, что при этом у людей нужно отобрать то высокое и благородное оружие, каким является сознание.

Я люблю многих писателей современной Америки, например, Хемингуэя, Колдуэлла, Фолкнера, Стейнбека, Фаста, Сарояна. Я рад, что многие книги этих писателей переведены на русский язык и полюбились советским читателям. Разве кто-нибудь может сделать из этого вывод, что мы отказались от борьбы против философии расизма, весьма распространенной в той же Америке, против бесчеловечных теорий Фомы, против различных ученых мораль «свободной конкуренции»? Я высоко ставлю живописца Пикассо, Матисса, Руо, Марка, Леже, Брака и многих других французских художников. Слепо, механическое подражание некоторым холстам Пикассо и Брака привело к еще большему распространению на Западе абстрактного искусства, которое мне представляется бесчеловечным и от борьбы против которого я могу отказаться. Я ценю многих современных писателей Франции и делаю все, что в моих силах, чтобы советские читатели могли познакомиться с их книгами. Но многое во французской литературе мне кажется неприемлемым и антигуманным, это — произведения авторов, изучающих все виды человеческих извращений и все формы человеческой отчужденности.

Идеологическая борьба должна быть серьезным разбором позиций противника, а не набором уничижительных эпитетов, и вести эту борьбу нужно не на уровне карикатур или хлестких фельетонов. Эта борьба для нас не оборона, а духовное наступление, она необходима для развития и углубления социалистической идеологии.

Мне кажется, что порой наши изыскания, редакционные коллегии, критики подходят к серьезнейшим проблемам идеологии по вычитанию последних телеграмм из-за границы. Я прочитал французскую пьесу «Ночной переполох» летом, и она тогда мне показалась фарсом средней руки. Такой она мне кажется и теперь. Если же имеются рецензенты, которые летом она казалась высоким художественным произведением и которые теперь рассматривают ее как мину амедленного действия, то, право же, это свидетельствует о несерьезном отношении к серьезной проблеме борьбы против буржуазной идеологии.

Защитники капитализма редко находят философов, писателей, художников, кото-

рые выступают с защитой мира, денег, наживы и поправки справедливости. Гораздо чаще руководящие круги буржуазного общества прибегают к эрзац-культуре, к бульварным романам, пьесам, фильмам, к рисункам «комикс», не только не развивающим мышление человека, но притупляющим его. Может быть, наиболее яркими примерами такого организованного отупления людей являются сокращенные издания романов («дайджест»), в которых «Анна Каренина» или «Брасное и черное» становятся пошлейшими историями. Или издания в виде «комикс» романов Достоевского. Ежегодно изготавливаются тысячи фильмов с мелькающим кадром, с пошлыми песенками, причем ни один зритель, выходя из кинотеатра, не может не рассказать содержание картины. Борьба с таким рода явлениями, защита от них людей, особенно детей и подростков — долг каждого разумного общества.

Конечно, нам нужно сопротивляться проникновению в нашу литературу (вернее сказать, в наш быт) пошлости, вездеского рода подлости под искусство. Конечно, нам нужно умно и восторженно разоблачать попытки западных литераторов (по большей части достаточно грубоватые и наивные), опираться в философии или в литературе капитализма с его катехизической «священной собственностью» и «свободной конкуренцией», с культом индивидуализма и с попарным индивидуализмом. Однако хочется еще раз подчеркнуть, что руководители государств Запады плохо верят в наступательную силу своих идей. Именно поэтому они столь упорно уклоняются от разрушения. Они куда больше рассчитывают на свои бомбы, нежели на своих философов или писателей. Они явно предпочитают браiance оружием мирным искусствам и мирному соревнованию.

Я не люблю говорить о тех наших ошибках, которые мы исправили; куда важнее сказать о других ошибках, которые еще нужно исправлять и которые порой задерживают развитие нашей культуры. Все же об одной прошлой ошибке я должен напомнить. Лет семь или восемь назад у нас много говорили

